

И. Е. Рявкин

аспирант, Челябинский государственный
институт культуры
E-mail: electrovenik90@gmail.com

СУЩНОСТЬ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА

Ставится задача ограничения и уточнения объекта культурологического исследования. Приводятся аргументы о растущей актуальности прогноза и прогнозирования для современной культуры, необходимости определения его сущности. Для этого анализируется отечественный и зарубежный терминологический аппарат исследований будущего. Формирование представлений о возможных вероятностях состояний будущего лучше всего отражается в термине «исследования будущих». Термин «футурология» описывает направление исследований будущего, предметом которых является комплексная социально-культурная составляющая «будущего», в отличие от технологической, экономической, экологической и других отдельных сфер. С помощью попарного сравнения близких по значению или содержанию понятий, таких как прогноз, прогнозирование, планирование, управление, переживание, проводится содержательное ограничение объекта исследования. Для удобства предлагается ввести понятие «футурологический прогноз» и дается его определение. Футурологический прогноз – представление о будущем как новом концепте социокультурного устройства. Представление о будущем – это образ, определенная картина вероятного мира, парадигма (гносеологическая модель эволюционной деятельности). Футурологический прогноз создается исходя из неизбежности радикального изменения как минимум одного системообразующего концепта, что естественным образом меняет всю картину будущего (т. е. нового) мира.

Ключевые слова: прогноз, прогнозирование, футурология, форсайт, футурологический прогноз

Для цитирования: Рявкин, И. Е. Сущность футурологического прогноза / И. Е. Рявкин // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 4 (52). – С. 109–115.

Прогнозы – явление весьма распространенное в современном культурологическом и шире – социокультурном дискурсе. Сегодня прогноз является не только инструментом приращения научного знания, но и неизбежно становится объектом научного, в том числе культурологического анализа. Прогнозы в современном мире чрезвычайно многочисленны и разнообразны, могут описывать не только будущее состояние какого-либо объекта, но и настоящее (геологический прогноз о наличии полезных ископаемых в заданной местности), и прошлое состояние объекта (археологический, исторический, например, о самом факте существования объекта в прошлом). Прогнозы могут различаться по объекту, типу, горизонту срочности, целям, целевой аудитории и другим факторам.

Любой прогноз, какой бы горизонт времени он ни охватывал, предназначен для настоящего, предостерегает от возможных неблаго-

приятных решений, уведомляет о грядущих возможностях. Иными словами, прогноз позволяет планировать действия, а не просто *реагировать* на изменяющуюся ситуацию. Но отнюдь не все прогнозы способны оказывать влияние на культуру, формируя образ будущего у отдельных людей и социальных групп, индивидуальные и общественные взгляды на определенную проблему, аксиологическую оценку явлений, социальные ценности и институты, картину мира.

Таким образом, возникает необходимость дифференциации прогнозов по тем или иным основаниям и конкретизации прогнозов, типологически представляющих интерес для культурологического исследования, результаты которых могут быть интерпретированы именно в аспекте культурных изменений.

Само понятие культурных изменений зависит от толкования такого многозначного и всеобъемлющего понятия, как культура. В рам-

ках настоящей статьи достаточно определить, что мы рассматриваем культуру в ее интегративной интерпретации, как некую систему норм и ценностей, выступающую основой оптимального социального взаимодействия, или систему социально-культурных институтов, т. е. взаимосогласованных систем целесообразно ориентированных стандартов деятельности и коммуникации. Подобная трактовка устойчиво присутствует в футурологическом дискурсе [См., напр.: 2, с. 11–16; 8, с. 31–39]. Под культурными изменениями мы понимаем трансформации ценностно-нормативной структуры (матрицы) социума (определенной социальной группы).

Очевидно, что культурные изменения могут быть разными по скорости: медленными – практически не фиксируемыми в период жизни даже нескольких поколений или быстрыми – требующими специальной (а, возможно, неоднократной) вновь-адаптации членов социума. Футурологический прогноз становится возможным именно как осознанная реакция на быстрые культурные изменения и попытка взять ситуацию под контроль (сделав ее по возможности управляемой). При таком подходе футурологический прогноз может пониматься процессно, как специальная процедура формирования представления о будущем (создания образа будущего) через отбор и описание последствий культурных трансформаций в актуальной для данного социума временной перспективе.

Таким образом, интересующие нас прогнозы должны, с одной стороны, предсказывать будущее состояние социально-культурных институтов, а с другой – являться причиной, своеобразным импульсом для культурных изменений (ориентиром для культурных политиков). Однако далеко не все будущие состояния содержат в себе интенцию для специальной реакции или целенаправленного вмешательства. Учитывая это, под **футурологическим прогнозом** мы будем понимать *представление о будущем как новом концепте социокультурного устройства*. Представление о будущем – это образ, определенная картина вероятного мира, парадигма (гносеологическая модель

эволюционной деятельности). Футурологический прогноз создается исходя из неизбежности радикального изменения как минимум одного системообразующего концепта жизненного устройства, что естественным образом меняет всю картину будущего мира.

На первый взгляд может показаться, что термин *футурологический прогноз* тавтологичен. Поэтому, чтобы убедиться в правомерности его введения и использования, следует более подробно ознакомиться с понятиями *футурология* и *прогнозирование, прогноз*.

Термин *футурология* предложил немецкий социолог О. Флехтгейм в качестве наименования новой «философии будущего», в чем-то подобной «исторической социологии». Флехтгейм описывал футурологию как дисциплину с предметной областью «от судьбы человека, будущего его общества до всего диапазона его будущей культурной активности» [11, с. 74].

Лингвистически *футурология* (от лат. *Futurum* – ‘будущее’ и греч. *Λόγος* – ‘учение’) описывает «учение о будущем», междисциплинарную область исследований, изучающих будущее. В западной науке к такому толкованию и использованию термина *футурология* прибегают редко. Финский футуролог профессор П. Маласка защищает применение термина следующим образом: он описывает «все, что есть знание будущего – не только эпистемологически, то есть как получить знания о будущем с помощью различных техник для той или этой прагматичной цели (как делается в форсайте), но, в особенности, онтологически, то есть какое значение может принимать знание о будущем, в каких смыслах возможно (и невозможно) знать будущее и в каких смыслах знание о будущем может рассматриваться как научное дисциплинарное поле, аналогично другим научным областям знания (физике, химии, биологии, социологии, истории, антропологии и так далее)» [12, с. 178]. В основном же для описания «учения о будущем» в англоязычной науке используются термины *future studies* (исследования будущего), *futures studies* (исследования будущих), *foresight* (форсайт).

Особое внимание проблеме названия дисциплины уделил З. Сардар в работе “The Name-sake: Futures; futures studies; futurology; futuristic; foresight – What’s in a name?”. Он возражает против использования термина *футурология*: «Невозможно “знать” будущее, это технократическое заблуждение – предполагать, что знание будущего – в единственном, монолитном, научном смысле – возможно... Предсказания, прогнозы, сценарии и тому подобные не дают нам знания будущего, но только предлагают определенные ограниченные возможности» [12, с. 178]. Также Сардар указывает на этимологические коннотации термина *футурология*, говоря о том, что он преднамеренно ассоциируется с «биологией», «энтомологией», «палеонтологией» и другими «логиями», инсинуируя научную нейтральность и несомненность. Сардар пишет: «Притворство в том, что исследование будущего является, или может являться, точной областью познания – одновременно наивно и опасно» [Там же, с. 178–179].

В современном дискурсе исследований будущего (будущих) распространен термин *форсайт*. Следует отметить, что в популярном представлении он означает «благоразумие и мудрость». Менеджер, нуждающийся в форсайте, на самом деле спрашивает: какой путь действий будет наиболее «благоразумным» (т. е. осторожным и аккуратным) для достижения поставленных целей. Такая постановка вопроса, с точки зрения функции управления, целесообразна, но это не есть вопрос об альтернативных возможностях будущего. Менеджеры и бюрократы требуют продукт-инструкцию: что нужно (не)/сделать, чтобы избежать ряда провалов или максимизировать возможности. В этом и состоит определяющая сущность форсайта – он ориентирован на продукт, который может быть капитализирован.

З. Сардар отстаивает право на жизнь термина *исследования будущих* (futures studies), поскольку, по его мнению, двойное использование множественного числа в названии дисциплины сознательно и постоянно подчеркивает как множественность вариантов возможного будущего, так и плюралистичность,

«мультицивилизационизм», инклюзивность дисциплины по отношению к отличным от западного мировоззрениям [12, с. 182].

В России проблема названия дисциплины, объектом изучения которой является будущее, выражена не так ярко, как за рубежом. Термин *футуристика* используется в основном непрофессионалами и несет в себе коннотации маловероятности, вымысленности, по созвучию с термином *фантастика*. В интервью, касающемся принятия Стратегии научно-технического развития, директор Института системно-стратегического анализа академик А. И. Фурсов применяет термины *футуристическое*, *футуризм* для описания состояния общества, имеющего общую четко определенную цель в будущем, общее представление об этом будущем, общее представление о путях достижения этой цели и этого будущего [5]. В научной литературе отечественные ученые в большинстве своем используют терминологию, которую ввел в оборот футуролог доктор исторических наук, ведущий отечественный специалист в области социального прогнозирования И. В. Бестужев-Лада.

В третьем издании Большой советской энциклопедии И. В. Бестужев-Лада дает термину *футурология* следующее определение: «Футурология в широком значении – совокупность представлений о будущем Земли и человечества, в узком – область научных знаний, охватывающая перспективы социальных процессов, синоним прогнозирования и прогностики». *Прогностика*, в его понимании, в широком значении означает теорию и практику прогнозирования, в узком – науку о законах и способах разработки прогнозов. Прогнозирование – разработка прогноза; в узком значении – специальное научное исследование конкретных перспектив развития какого-либо явления [1].

В работе «Методологические и мировоззренческие основания современных футурологических исследований» О. В. Сидоренко предлагает учитывать три обстоятельства, влияющие на понимание современной футурологии:

– футурология как самостоятельная дисциплина формировалась в 50-е гг. XX в.;

– футурология как концептуальное построение вариантов будущего близка с историческим прогнозированием классической философии истории;

– в отличие от философии истории, футурология исходит из принципиальной новизны будущего, а не простой экстраполяции тенденций настоящего и прошлого [7, с. 34].

Таким образом, можно заключить, что формирование представлений о возможных вероятностях состояний будущего лучше всего отражается в термине *исследования будущих*, принятом в западной науке. При этом сами исследования будущих не считаются наукой в строгом смысле этого слова и могут опираться как на рациональную основу и методологию, так и на иррациональное знание исследователя. Термин *футурология* описывает направление исследований будущего, предметом которых является комплексная социально-культурная составляющая «будущего», в отличие от технологической, экономической, экологической и других отдельных сфер. Соответственно определение *футурологическое* будет описывать исследование перспектив социокультурных явлений.

Обратим внимание на вторую часть предлагаемого нами термина – *прогноз*. В строгом смысле прогноз – это результат прогнозирования. Понятие *прогнозирование* широко используется в теории и практике условно прикладных наук: маркетинге, экономике, менеджменте, логистике, IT-индустрии и др. Приведем несколько определений прогнозирования.

Л. В. Константиновская в своей работе «Прогнозирование» дает следующее определение прогноза: «прогноз (от греч. “познание наперед”) – включает в себе два понятия (“гноз” – знание; “про” – заранее, опережение). Прогноз имеет несколько определений и может трактоваться как: знание о каком-то событии или явлении, которое еще не произошло или нам не известно, произошло ли оно вообще; суждение о состоянии какого-либо явления в будущем; суждение о неизвестных будущих событиях; вероятностное описание возможного или желательного» [3].

Толковый словарь Ожегова трактует прогноз как «основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-нибудь» [6]. И. В. Бестужев-Лада понимает под прогнозом «научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления» [1].

Таким образом, можно заключить, что прогноз обладает вероятностным характером, касается строго определенного объекта, описывает будущие характеристики этого объекта, является результатом прогнозирования.

С культурологической точки зрения особенно интересны для изучения те прогнозы, которые не только предсказывают перспективы социально-культурной жизни человечества, но и выступают катализаторами культурных изменений в настоящем. Эта способность обуславливается культурной функцией прогнозирования – обеспечение потребности современного общественного сознания в превентивном переживании будущего. А. В. Костина и А. Я. Флиер видят смысл превентивного переживания будущего в получении социального опыта [4, с. 28]. Начиная с середины XX в. (с появления доктрин Белла, Маклюэна и Тоффлера) будущее как источник социального опыта заменяет прошлое в силу уже упомянутой динамики темпа социально-культурных изменений. Тем не менее главным источником социального опыта в XX в. по-прежнему оставалось настоящее.

В XXI в. темп социокультурных изменений возрастает до такой степени, что скорость трансформаций социально-культурных норм опережает рефлексию данных трансформаций. Трансформации норм происходят быстрее, чем их оценивание, и, следовательно, закрепление в культуре осуществляется без соответствующей оценки: полезно – вредно, морально – аморально, безопасно – рискованно. Фиксируя данную ситуацию, С. Б. Синецкий предлагает определять «скорость изменения» и «скорость освоения» культурных практик, полагая, что от этого соотношения зависит культурная устойчивость того или иного сообщества [8, с. 204].

При этом скорость усвоения культурных практик, на наш взгляд, является для человеческого сознания в краткосрочном, с точки зрения эволюции, периоде более-менее постоянной: она может значительно различаться у разных индивидов, в какой-то мере изменяться у индивида под воздействием специфического опыта или целенаправленных усилий, но в пределах вида как такового в среднем оставаться неизменной, что объясняется в том числе «охранительной» функцией культуры, которая аккумулирует и транслирует в будущее только многократно подтвержденный положительный опыт деятельности. В то же время скорость изменения культурных практик очевидно растет, т. е. в XXI в. процесс закрепления новых ценностей в сознании как индивидуальном, так и общественном начинает происходить по алгоритму деятельность – мысль – ценность вместо традиционного мысль – деятельность – ценность.

Для возвращения к привычному алгоритму возникает необходимость обращения к образам будущего, описывающим предстоящие изменения и условные прогнозируемые состояния тех или иных сфер общественной и культурной жизни. Такие образы будущего, по определению И. Д. Тузовского, представляют собой «комплексы социальных ожиданий относительно перспектив развития социума, основанные на явлениях актуальной социальности, научной прогностике, творческом осмыслении и индивидуальных переживаниях носителя, воплощенные ментально, вербально и/или визуально, имеющие четкую эмоциональную и ценностную наполненность (“хорошее” или “плохое” будущее) и оказывающие влияние на настоящее» [10, с. 36]. Будущее в условиях XXI в. начинает вытеснять настоящее с позиции главного источника социального опыта.

С. Б. Синецкий выделяет три основных источника формирования представлений о будущем. Первый – прогнозы, инициированные различными государствами для выработки национальных стратегий развития. Такие прогнозы отличает стремление к точности, строгая научная методология и формализованность. Второй – частные прогнозы, которые от своего

имени делают социально знаковые фигуры, опираясь на собственный индивидуальный опыт и знания. Они излагаются, как правило, в доступной массовому потребителю форме, структура и стиль изложения выбираются авторами произвольно. Третий тип – это прогнозы общественных объединений футурологической направленности. Такие объединения обычно более свободны в выборе методологии и формы и выполняют несколько функций – обеспечивают профессиональный и общественный контроль темы будущего, аккумулируют различные прогнозы, популяризируют прогнозы, выполненные сторонними субъектами [9, с. 136–141]. На наш взгляд, имеет смысл выделить еще один источник представлений о будущем – сферу художественной фантастики, в частности, литературный, кинематографический и игровой ее жанры. Хотя научная фантастика в современности в основном опирается на уже существующие прогнозы, именно с помощью художественных сценарных методов формируются относительно цельные образы будущей культуры в доступных широким социальным слоям формах.

Функция генерирования образов будущего в содержательном научно-прогностическом аспекте закрепляется в современном мире в основном за индивидуальными экспертами, различными государственными и негосударственными институциональными структурами исследований будущего и в выразительном и трансляционном аспектах за художественной культурой и коммуникативной сферой. Социально-культурные институты исследований будущего описывают различные варианты вероятностного будущего, художественная культура «встраивает» научные изыскания в хаотичные потоки социальных ожиданий от него, а коммуникативная сфера транслирует эти образы или определенные прогнозы в социум, упорядочивая векторы ожиданий и формируя социальный запрос на определенные нововведения.

Таким образом, влияние спрогнозированных и определенным образом зафиксированных образов будущего на настоящее проявляется в том числе как формирование некоторой

синтетической картины желаемого «целевого» будущего, а также синтетической картины нежелаемого будущего в общественном сознании. Формирование этих обобщающих картин будущего производится на уровне индивидуального сознания каждого члена общества (на основе личного представления о вероятной возможности воплощения каждого отдельного образа, закрепившегося в сознании).

Резюмируя, отметим, что в качестве объекта культурологического исследования допустимо рассмотрение футурологического прогноза, понимаемого как процесс и результат целенаправленного исследования перспектив развития социально-культурных явлений, представляющего собой оформленное представление о будущем как новом концепте социокультурного устройства.

1. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. Часть 1 [Электронный ресурс] / И. В. Бестужев-Лада. – Режим доступа : <http://www.alt-future.narod.ru/Future/socprog1.htm>. – Дата обращения : 12.04.2017.
2. Колосова, О. Ю. Социально-культурные институты: сущность и типология / О. Ю. Колосова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 28. – С. 11–16.
3. Константиновская, Л. В. Прогнозирование [Электронный ресурс] / Л. В. Константиновская. – Режим доступа : <http://www.astronom2000.info>. – Дата обращения : 18.03.2017.
4. Костина, А. В. Куда история влечет культуру? (От общества «концертирующих» к обществу «репетирующих») / А. В. Костина, А. Я. Флиер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 4 (20). – С. 27–37.
5. Полунин, А. «Цифровые» мечты Кремля и Кудрина. Сможет ли Россия сделать рывок в научно-технических разработках [Электронный ресурс] / А. Полунин // СвободнаяПресса : ежедневное интернет-издание. – 2016. – 2 дек. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/society/article/161822/>. – Дата обращения : 15.12.2016.
6. Прогноз [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Ожегова. – Режим доступа : <http://slovar-oghegov.888news.name/pp/28418-%CF%D0%CE%C3%CD%CE3.html>. – Дата обращения : 28.12.2016.
7. Сидоренко, О. В. Методологические и мировоззренческие основания современных футурологических исследований : автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. В. Сидоренко. – Орел : ОрелГАУ, 2012. – 52 с.
8. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века : от прецедента Истории к проекту Будущего : монография / С. Б. Синецкий. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 288 с.
9. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века : теоретико-методологические основания и условия осуществления : дис. ... д-ра культурологии / С. Б. Синецкий. – Челябинск : ЧГАКИ, 2012. – 357 с.
10. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский. – Челябинск : ЧГАКИ, 2009. – 312 с.
11. Flechtheim O. K. 1966. History and Futurology. Meisenheim am Glan. Germany : Verlag Anton Hain. 126 p.
12. Sardar Z. 2010. The Namesake: Futures; futures studies; futurology; futuristic; foresight – What's in a name? *Futures*. No 42 : 177–184.

Получено 10.11.2017

I. Riavkin

post-graduate student,
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: electrovenik90@gmail.com

DEFINING FUTUROLOGICAL FORECAST

Abstract. Due to wide range of meanings the term “forecast” is unsuitable for culturological research. The article’s goal is to narrow down the object of research. Forecast and forecasting are becoming more relevant for contemporary culture. There is a need to determine its essence, values and norms it elicits in contemporary culture. To do that we analyze Russian and English futures studies vocabulary. We conclude that “futures studies” best

describe the process of forming a picture of probable variants of the futures, while term “futurology” best describes a particular branch of futures studies that concerns itself with probable variants of social cultural futures as opposed to those that predict futures of technology, economics etc. Using pair comparison of close-meaning terms such as forecast, forecasting, foresight, planning, management, experience, we limit the subject zone of our future research. To ease future research, we propose to use the term “futurological forecast” as a representation of the future built on a new concept of sociocultural system.

Keywords: forecast, futures studies, futurology, foresight, futurological forecast

For citing: Riavkin I. 2017. Defining futurological forecast. *Culture and Arts Herald*. No 4 (52) : 109–115.

References

1. Bestuzhev-Lada I. 2002. Sotsial'noe prognozirovanie. Kurs lektsiy. Chast' 1 [Social forecasting. Lecture course. Part 1] [Electronic resource]. Available from : <http://www.alt-future.narod.ru/Future/socprog1.htm> (accessed : 12.04.2017). (In Russ.).
2. Kolosova O. 2014. Socio-cultural institutions: the essence and typology. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera* [Conference collections of Scientific and Publishing Center Sociosphere]. No 28 : 11–16. (In Russ.).
3. Konstantinovskaia L. Prognozirovanie [Forecasting] [Electronic resource]. Available from : <http://www.astronom2000.info>. (accessed : 18.03.2017). (In Russ.).
4. Kostina A., Flier A. 2009. Where does history lead culture to? (from “the society of concept-giving” to “the society of rehearsing”). *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 4 (20) : 27–37. (In Russ.).
5. Polunin A. 2016. “Digital” dreams of Kremlin and Kudrin. Could Russia make a jump in scientific and technical development [Electronic resource]. *Svobodnaya Pressa* [FreePress]. Available from : <http://svpressa.ru/ociety/article/161822/> (accessed : 15.12.2016). (In Russ.).
6. Forecast [Electronic resource]. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka Ozhegova* [Ozhegov's explanatory dictionary of Russian language]. Available from : <http://slovar-ozhegova.888news.name/pp/28418-%CF%D0%CE%C3%CD%CE3.html> (accessed : 28.12.2016). (In Russ.).
7. Sidorenko O. 2012. Metodologicheskie i mirovozzrencheskie osnovaniya sovremennykh futurologicheskikh issledovaniy [Methodological and ideological foundations of modern futurological studies]. Orel : OrelSAU. (In Russ.).
8. Sinetskii S. 2011. Kul'turnaya politika XXI veka: ot pretsedenta Istorii k proektu Budushchego [Cultural policy of the XXI century: from the precedent of History to the Future Project]. Chelyabinsk : Entsiklopediya. 228 p. (In Russ.).
9. Sinetskii S. 2012. Kul'turnaya politika XXI veka: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya i usloviya osushchestvleniya [Cultural policy of the XXI century: theoretical and methodological foundations and conditions for implementation]. Chelyabinsk : Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. (In Russ.).
10. Tuzovskii I. 2009. Svetloe zavtra? Antiutopiya futurologii i futurologiya antiutopiy [Bright tomorrow? Anti-utopia of futurology and futurology of anti-utopias]. Chelyabinsk : Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. (In Russ.).
11. Flechtheim O. K. 1966. History and Futurology. Meisenheim am Glan. Germany : Verlag Anton Hain. 126 p. (In Eng.).
12. Sardar Z. 2010. The Namesake: Futures; futures studies; futurology; futuristic; foresight – What's in a name? *Futures*. No 42 : 177–184. (In Eng.).

Received 10.11.2017